

ГРАНЬ ТРОПА МАРЫ

Олег Рычков

«Зима никогда не заканчивается.
Она просто ждёт»

18+

Олег Рычков

Грань Тропа Мары

«Автор»

2026

Рычков О.

Грань Тропа Мары / О. Рычков — «Автор», 2026

2025 год. Москва замерзает в аномальный холод. В квартире-мастерской на окраине просыпаются Максим и Наталья — брат и сестра, наследники династии охотников за нечистью. Полгода назад их родители исчезли, оставив лишь гору книг, оружие и вопросы. А сегодня утром ожил спутниковый маячок отца. Их путь — через промёрзший МКАД, где водители застывают, глядя в пустоту; через подземелья метро, где поезд-призрак собирает души опоздавших; через мотели, где за зеркалом прячется Банник, а на трассах голосует Лихорадка. Всё это — лишь преддверие того, что ждёт их в Тверской глуши, где лес дышит, болота кипят, а деревья говорят голосом мёртвых. Сквозняк открывается. Навь врывается в Явь. И герои понимают: они искали родителей, но нашли лишь дверь, которую должны закрыть изнутри. Цена прохода — кровь рода. Жертва — добровольная. И зима, которую они победили, уже поселилась внутри них. «Грань» — это история о том, что иногда, чтобы защитить тех, кого любишь, нужно стать монстром. Или частью тьмы.

© Рычков О., 2026

© Автор, 2026

Олег Рычков

Грань Тропа Мары

ГРАНЬ

Тропа Мары

Глава 1. Квартира-мастерская

Три часа утра. Москва затихает — слышно, как в батареях перекачивается ржавая вода. В квартире-мастерской на окраине спального района этот звук был единственной постоянной: монотонный, убаюкивающий гул, который Максим уже научился не замечать. Как и запах пороховой смазки, смешанный с сухой полынью, въевшийся в обои и шторы.

Датчик движения пискнул — сухо, коротко, как удар по камертону. Максим не проснулся. Он глубже вжался щекой в спальник, подложив под голову пустую кобуру от «Глока». Тело помнило: если бы это была реальная угроза, сигнал был бы прерывистым, тройным. А этот одиночный означал лишь то, что сквозняк качнул входную дверь — старые петли на «Ниве» давно требовали смазки, а ветер с Яузы всегда гулял по подъезду.

Он спал на полу как и последние полгода. Кровать в углу была завалена коробками с патронами, ветошью и стопками старых журналов «Охота и рыболовство». Максим говорил себе, что так быстрее собраться в случае тревоги. На самом деле он просто не мог заснуть на мягком — слишком много ночей под открытым небом, на голых досках или в машине. Кровать пахла матерью, и этот запах душил.

Рядом, на расстоянии вытянутой руки, лежали разобранный «Вепрь», банка с медным порошком, моток паракорда и старый армейский компас.

Москва. Пять лет назад.

Тогда квартира родителей была другой — светлой. На подоконниках цвели горшки, на стенах висели туристические карты мест, где они отдыхали: Карелия, Алтай, Байкал.

Максим сидел на кухне, пил чай из кружки с отбитым краем. Ему только что стукнуло восемнадцать, и он был уверен, что взрослость — это просто возраст. Отец сидел напротив, на столе между ними лежала маленькая коробочка, обёрнутая в старую газету.

— Тебе исполнилось восемнадцать, — сказал Аркадий, и в голосе его послышалась серьёзность, хотя глаза улыбались. — Мы с матерью долго думали, что тебе подарить.

— Я надеюсь, это не ещё одна книга по этнографии, — усмехнулся Максим. — Мама уже завалила меня ими.

— Нет. — Отец пододвинул коробочку. — Это другое.

Максим развернул газету. Внутри лежал старый латунный компас с потёртым корпусом и стеклом, покрытым сетью мелких царапин. Он открыл крышку — стрелка качнулась, указывая на север.

— Это компас Андрианова, — сказал отец. — Мне его подарил мой отец, когда мне исполнилось восемнадцать. А ему — его отец. Он прошёл через всю войну, через все наши экспедиции. Он никогда не врёт.

Максим смотрел на компас. Металл был тёплым от его пальцев. Он чувствовал историю в этом предмете: руки отца и деда, земли, которые те исходили.

— Спасибо, — сказал он, и голос дрогнул.

— Он покажет тебе путь, — отец посмотрел серьёзно. — Даже если ты не знаешь, куда идёшь. Даже если всё вокруг кажется тёмным. Он всегда показывает на север. Настоящий север. Тот, который не меняется.

Максим кивнул, не зная, что ответить. Тогда он не понимал, что отец говорит не о географии. Он говорил о том, что внутри. О том, что есть вещи, которые не меняются, даже когда мир рушится.

— И ещё, — голос Аркадия стал тише. — Если потеряешь дорогу, посмотри на него. Он напомним, что дом есть у каждого, даже если его не видно.

Максим сжал компас в ладони. Он был тёплым.

— Я запомню. Спасибо, папа.

Отец кивнул, встал, хлопнул его по плечу.

— Ты справишься, Макс. У тебя в руках компас и семья. Это всё, что нужно.

Он вышел, оставляя Максима одного. Максим смотрел на стрелку, указывающую на север, и чувствовал, как тепло разливается по груди. Тогда он ещё не знал, что через несколько лет этот компас станет единственным, что останется от отца. Что он будет держать его в руках, стоя посреди серого тумана, и искать путь домой.

Тогда компас казался вечным. Максим ещё не знал, что металл умеет плавиться, когда мир горит.

Наталья вздрогнула, хотя сигнал был едва слышен. Она сидела за столом под красной фотографической лампой — её свет не приманивал навших тварей, но позволял различать оттенки сушёных трав. Перед ней на газетном развороте лежали пучки полыни, сушёный багульник, корень мандрагоры — похожий на маленького скрюченного человечка с переломанными ногами, — и горсть сухих грибов-трутовиков. Девушка быстро смахнула травы в холщовый мешочек, пальцы, испачканные в зелёном соке, дрожали от недосыпа и постоянного напряжения.

Она подняла взгляд на брата. Тот не шевельнулся. Наталья закусила губу — в последнее время Максим спал всё чутче, но просыпался всё тяжелее, будто каждый раз нырял в чёрную воду и с трудом выныривал обратно. Она не знала, как ему помочь, и злилась на себя за эту беспомощность.

Её пальцы замерли над коробкой патронов, что лежала на краю стола. Из нагрудного кармана старой телогрейки она достала кусок плотницкого мела — не белого, а серого, из смеси гипса и толчёного серебра. Быстрыми злыми движениями начертила на картоне коло-врат, перечеркнутый двумя параллельными резами, и добавила внизу знак Велеса — перевёрнутый полумесяц с тремя точками.

— Ты портишь заводскую упаковку. — Голос Максима прозвучал глухо, словно из-под воды. Он сел, не открывая глаз, протёр их тыльной стороной ладони. Под глазами залегли густые тени — синие, почти фиолетовые. — Соль и мел забьют дульное сужение. После второго выстрела ствол превратится в трубу для каши.

— Слова не останавливают пулю. — Наталья закрыла коробку и придвинула её к брату. — Но пуля открывает дверь для того, что живёт между строк. Если картечь разорвёт низшего навья, его хозяин услышит эхо выстрела через ткань миров. Пусть лучше слышит обереги, а не просто звон железа. Ты сам учил меня, что любая магия — это язык. А язык без грамматики — просто шум.

Максим наконец открыл глаза. Серые, с желтоватым ободком вокруг зрачка — признак того, что печень работает на пределе от постоянного приёма обезболивающих и холодного кофе. Он посмотрел на сестру — с раздражением, но по-родственному тепло. Так они общались последние месяцы.

— Я учил тебя стрелять, — поправил он, беря коробку. — А ты учила меня молиться. И что мы оба получили? Родителей, которые пропали, оставив нам только эту квартиру-склад и долги по коммуналке.

Наталья промолчала. Спорить сейчас — значит запустить его на часовой круг по комнате с перечислением всех неудач. Она смотрела, как он снаряжает магазин — движения отто-

чены до автоматизма. Серебряная дробь тускло блеснула — каждая пуля отлита по отцовским рецептам, с освящённой водой и землёй с могилы неизвестного солдата.

Максим поднялся, разминая спину — позвонки хрустнули сухо и резко. Он подошёл к плите — старой «Электре», которая грела только одну конфорку, да и та с перебоями. На сковороде зашипела консервированная фасоль, открытая ещё вчера. Ели тоже на кухне стоя — стол был завален чертежами, картами и распечатками этнографических статей. Наталья отломил кусок чёрствого хлеба, но есть не стала — крутила его в руках, осматривая мякиш на предмет чужеродных вкраплений. Это было её навязчивое движение: проверять еду, воду, порох — всё, что могло быть отравлено или заговорено.

Максим черпал холодное мясо ложкой прямо из банки, не глядя. Он думал о том, что вчера опять видел во сне отца — тот стоял на берегу замёрзшей реки и махал рукой, но губы его двигались беззвучно, будто пытался сказать что-то важное, а голос утонул в треске льда. Максим не рассказывал об этом Наталье — она бы тут же начала трактовать сон как знак, искать символы, рыться в книгах. А он просто хотел, чтобы кошмар кончился.

Тишину разорвал двойной писк — не охранка, не датчик, а спутниковый маяк. Тот самый, который они установили на машину родителей полгода назад и который молчал всё это время, будто его проглотила земля.

Максим замер с ложкой у рта. Фасоль стекала в банку тёмно-красной струйкой. Красная лампа на столе мигнула в унисон сигналу: короткая вспышка вверх — длинная пауза — снова вспышка. Вертикаль-точка. Сигнал шёл из-под земли.

— Торжок, — выдохнула Наталья. Она уже стояла у старого ноутбука, экран которого заливало ядовито-зелёное свечение карты Тверской области. Трекер накладывался на спутниковые снимки, высвечивая координаты: заброшенный хутор на болотах, в тридцати километрах от города, прямо посреди зоны, помеченной на картах как «нежилая» ещё с семидесятых годов. — Сигнал активен. Полгода мёртвого эфира, и вдруг...

— И вертикальный импульс, — закончил Максим. Он отставил банку. Металл громко звякнул о линолеум. — Сигнал идёт снизу. Либо отец сидит в подвале, и у него сели батарейки, либо подвал обвалился вместе с отцом. Но маяк не врёт — он работает от термогенератора. Значит, там есть источник тепла.

— Или источник холода, — тихо поправила Наталья. — Некоторые твари выделяют энергию, которая имитирует тепло для приборов. Ты же знаешь.

Максим посмотрел на неё тяжёлым взглядом. Он знал слишком много, чтобы тешить себя надеждой.

— Слишком вовремя, — проговорил он, словно размышляя вслух. — Мы искали их полгода — и вдруг маяк сам нас зовёт. Это не похоже на удачу.

— Но мы не можем не поехать, — ответила Наталья, и в голосе её не было вопроса.

Движение началось одновременно — хореография, отточенная за три года скитаний: за три минуты они собрались, не сказав ни слова.

Максим двигался резко и экономно, как зверь, привыкший беречь силы. Тактические штаны с накладными карманами, тяжёлые ботинки на толстой подошве давили рассыпанную латунь, превращая её в лепёшки. В разгрузку полетели пачки патронов, мотки паракорда, мультитул, фляга с освящённой водой (даже если он сам в это не верил), аптечка с промедолом и антидотами от растительных ядов. Его мир состоял из рычагов, спусковых крючков и веса — веса оружия, веса груза, веса ответственности за сестру, которая каждую минуту могла сделать что-то безумное.

Наталья собиралась неторопливо, почти ритуально. На шерстяную юбку из старых одеял легла льняная — она верила, что лён скрывает от навых глаз. Старая телогрейка, подпоясанная потёртым офицерским ремнём с пряжкой, на которой был выбит советский герб, — отец нашёл её на чердаке и привёз как трофей. На шею — связка амулетов из можжевельника, волчьего

зуба, моржового клыка и маленького мешочка с землёй с перекрёстка семи дорог. При каждом шаге амулеты издавали сухой перезвон. Максим его ненавидел — звук демаскировал. Наталья верила, что он отпугивает.

— Мы не успеем до темноты, если шоссе стоит, — сказал Максим, закидывая на плечо чехол с разобранным «Вепрем». Он проверил затвор, дослал патрон в патронник и поставил на предохранитель. — Световой день — семь часов. До Торжка триста километров. Если МКАД встанет, придётся идти через промзону и объезжать по лесным дорогам. Там грязь по колено.

— Шоссе будет стоять, — спокойно ответила сестра, проверяя герметичность контейнера с серебряной стружкой. — Сквозняк начинается с малого. Животные сходят с ума, техника слепнет. Я уже видела, как сегодня ночью ворон бился в окно — не снаружи, а изнутри, хотя все форточки были закрыты.

Максим нахмурился. Он спал и не видел ворона, но это ни о чём не говорило — Наталья не смыкала глаз третьи сутки, шептала над рунами и свечами.

— Почувствуешь запах мокрого железа без дождя — глуши мотор, — продолжила она, надевая на левую руку браслет из медной проволоки с вплетёнными волосами матери. — И не вздумай заводить повторно, пока я не скажу. Серебро в глушителе расплавится, и мы останемся без единственного средства против ичетиков.

Максим остановился посреди комнаты. Осмотрел квартиру-мастерскую: стены, обшитые фальшпанелями, под которыми скрывались листы титана — отец установил их после того, как в прошлом году навья тварь проломил стену в соседней квартире. Самодельные светомаскировочные шторы из чёрного брезента, не пропускавшие даже лунный свет. Алтарь в углу, где православная икона Николая Чудотворца соседствовала с кривым идолом из чёрного дуба — Наталья поставила его «для равновесия». Старые карты, развешанные на верёвках, с красными метками и выцветшими чернилами. И везде — везде — запах сухих трав, машинного масла и старой бумаги.

Здесь был их дом. Их крепость. И они снова уходили — искать призраков.

Он проверил периметр. В ванной капал кран — капли падали ровно через две секунды. Входная дверь — замки целы, защитные руны на косяке не стёрты. Окно на кухне приоткрыто на микропроветривание, чтобы выветривался запах пороха.

Проходя мимо старого «ЗиЛа» с отбитой ручкой, он заметил на его крышке кошку.

Голая кожа цвета старой слоновой кости, редкие складки на боках, огромные, как лопухи, уши торчком. Тонкие прожилки вен проступали на висках и лбу. Канадский сфинкс. Та самая кошка, которую они взяли из родительского дома перед пропажей. Которая умерла от почечной недостаточности год назад, здесь же, на руках у Натальи. Которую кремировали в железной бочке во дворе, а прах высыпали в Язу, читая заговор на отвод духов.

Существо не шевелилось. Оно сидело, сложив лапы под грудью, и смотрело на Максима немигающими жёлтыми глазами — без белков, с вертикальными зрачками. Потом оно медленно, плавно повернуло голову на девяносто градусов, будто хотело рассмотреть его под другим углом. Пасть приоткрылась — Максим увидел мелкие игольчатые зубы, которых у кошки никогда не было.

Затем существо не прыгнуло, а стекло вниз, вдоль передней панели холодильника, исчезнув в густой чёрной тени, которую отбрасывала на металл створка приоткрытого окна. Тень дрогнула словно живая плоть, втянула добычу в себя — и снова стала неподвижной.

Воздух в комнате похолодел, словно открыли погреб. Пахло сыростью, гнилым деревом и озоном — тем самым запахом, который всегда предшествует разрыву ткани между мирами. Лампа на столе моргнула, погасла на секунду, потом зажглась снова, но свет стал тусклее.

Максим сглотнул пересохшим горлом. Он слышал, как за спиной Наталья замерла — она тоже почувствовала холод. Но она не видела того, что видел он. Она стояла спиной к холодильнику, и её амулеты вдруг разом смолкли, будто их звук был выпит тишиной.

Он смотрел на пустое место, где только что сидела мёртвая кошка. Впервые за три года бесприютной охоты его руки покрылись липким холодным потом не от страха перед монстром — он видел монстров, убивал их, сжигал их логова. Страх пришёл с осознанием: правила изменились. Навь больше не ждала ночи и не пряталась в подвалах — она заглядывала на чай до рассвета, к ним домой.

— Макс? — голос Натальи дрогнул. Она сделала шаг к нему, но остановилась, увидев его лицо. — Что ты видишь?

— Ничего, — солгал он. Голос сел, стал хриплым, как у старого курильщика. — Ничего важного. Просто показалось.

Но он знал, что она ему не поверила. И знал, что она права — врать сейчас бесполезно. Однако говорить правду означало признать: их убежище скомпрометировано, они уже не хозяева положения, кто-то — или что-то — играет с ними как с пешками.

Он подошёл к холодильнику. Провёл рукой по белому металлу. Поверхность была ледяной — слишком ледяной для комнатной температуры, будто холодильник включили на максимум, хотя компрессор давно сломан. На месте, где сидела кошка, остался влажный след — контур кошачьей фигуры, выступивший на металле, как иней на стекле.

— Выходим, — хрипло сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Живо. Не оглядывайся. И не трогай ничего на кухне.

Наталья была уже одета, обереги снова звенели своей тревожной музыкой. Она посмотрела на брата. Она ничего не почувствовала — стояла спиной, но лицо Максима стало таким белым, что красные блики лампы перестали делать на нём тени. Она молча кивнула, не задавая вопросов.

Она взяла свой рюкзак — тяжёлый, с книгами, контейнерами трав, восковыми свечами и каменными табличками с рунами. Сунула ноги в резиновые сапоги с металлическим носком. Надела поверх телогрейки старую офицерскую шинель — ту самую, из Карелии.

Дверной замок сухо щёлкнул, отрезая их от последнего островка безопасности. Когда металлическая дверь захлопнулась, в коридоре зажглась автоматическая лампа — тусклый жёлтый свет, который всегда мерцал и гудел. Но сегодня он горел ровно, почти неестественно ярко, и тени от труб пожарной лестницы ложились на пол под странным углом, будто источник находился не в лампе, а где-то за пределами коридора.

Максим бросил последний взгляд на дверь. На старой выцветшей табличке с номером «17» он заметил тонкую, едва различимую царапину в виде цветка терновника с пятью лепестками. Её не было час назад. Она появилась прямо у них на глазах.

Он стиснул зубы, подхватил ружьё и пошёл вниз, не оборачиваясь. Наталья шла следом, амулеты звенели в такт шагам, отбивая ритм, похожий на сердцебиение перепуганного зверя.

На первом этаже, в тамбуре, они наткнулись на старого дворника — сутулого мужчину с метлой, который подметал чистый пол. Он поднял на них глаза — мутные, с бельмом, как у мертвеца. Но посмотрел точно на Максима и улыбнулся беззубым ртом.

— Холодно сегодня, — сказал он голосом, в котором слышался треск старого радио. — Холодно... Зима идёт... Она уже у порога.

И он указал метлой на входную дверь. За матовым стеклом не было улицы — только белесая пелена, похожая на позёмку, хотя на дворе ноябрь. Когда Максим прошёл мимо, он заметил, что у дворника нет тени. Метла оставляла следы не на полу, а на стене. Он не обернулся, но спиной чувствовал пустой взгляд.

Он толкнул дверь плечом и вышел в московское утро, которое пахло не асфальтом и выхлопами, а сырой могильной землёй.

Выезжая на пустую набережную Яузы — машин почти не было, лишь редкие такси и грузовики — Максим включил печку на полную. Наталья сидела рядом, уставившись в карту. Она молчала, но он знал, что она смотрит в зеркало заднего вида — проверяет, не появилась ли на заднем сиденье кошка.

Кошка не появилась. В динамиках выключенной магнитолы послышался шёпот — слова задом наперёд. Максим выключил магнитолу, выдернул предохранитель и бросил его в бардачок.

Он не оглядывался, но знал: в зеркале заднего вида отражалось не его лицо, а лицо сестры — без зрачков, белое, как у той кошки. Он моргнул — и всё стало нормально. Наталья смотрела в карту, хмурила брови и водила пальцем по изгибам рек. Однако на стекле зеркала остался отпечаток пальца, которого раньше не было — маленький, детский, будто кто-то прижался к стеклу изнутри салона.

Максим выдохнул и вжал педаль газа в пол.

Впереди был Торжок. И зима, которая уже дышала им в затылок.

Глава 2. Советская турбаза

Они ехали весь день. Маяк, молчавший полгода, уверенно вёл их по трассе, пока не замер на координатах заброшенной турбазы «Сосновка» под Торжком. На въезде их встретил сложенный шлагбаум и табличка «Въезд запрещён», но Максим проехал под ней, не сбавляя скорости. Когда они остановились у трёхэтажного здания из серого кирпича, дождь уже сменился ледяной крупой. Они решили переждать непогоду и заодно проверить, что привело их сюда.

Ночь облепила окна турбазы липкой смолой — не свет, не тьма, а нечто среднее, что приставало к стеклу и не стекало. Ледяной дождь барабанил по шиферу, но внутри почти не было слышно — звук глушили рассохшиеся рамы, газеты на подоконнике и шторы, выцветшие с бордового до грязно-розового. В номере пахло сырой штукатуркой, мокрым войлоком и озоном — запахом, ставшим для них визиткой Нави.

Обогреватель «Икар» светился вишнёвым накалом, но гонял по комнате лишь влажный холод, оседавший на коже изморосью. Максим сидел на корточках у двери, сжимая топор-чекан с рукоятью, обмотанной чёрной изолентой. Он слушал коридор. Деревянное здание дышало: где-то хлопала дверь, скрипели половицы, и тонко звенело что-то металлическое — то ли ключи, то ли цепь, то ли колокольчики.

Наталья сидела на полу, скрестив ноги, на старом байковом одеяле из рюкзака. Перед ней — общая тетрадь в клетку, обложка заклеена скотчем. Мать вела её десять лет, списывая бисерным почерком.

— Шуликун, — прочитала она шёпотом. — Дух ряженого. Во время Сквозняка поднимается через лёд. Ростом с годовалого, лицо как чугун, глаза — пустые заклёпки. Ездят в железной ступе, крадут инструменты и игрушки. Боятся только живого огня, добытого трением дерева о дерево. Не спички, не зажигалка. Только когда древесина дымится, и в дыме — дух дерева.

— Живое дерево? — уточнил Максим, не оборачиваясь. Его профиль чётко рисовался на фоне щели под дверью.

— Если украденным топором нельзя рубить, Шуликун теряет опору и проваливается в Навь, — продолжила Наталья.

Максим хмыкнул. Для него мифология — лишь инструкция по технике безопасности, записанная пьяными предками. После случая с мёртвой кошкой в Москве он стал больше прислушиваться к сестре, но привычка верить в оружие осталась.

— Сиди здесь, — бросил он, поднимаясь. — Прислони стул к ручке. Если услышишь звон колокольчиков или цоканье из-под пола — лезь под кровать и жги тетрадь. По странице, чтобы дым шёл ровно. И не выходи.

— А ты куда? — Наталья подняла голову. В красном свете её глаза казались чёрными. Максим знал: она боится, но никогда не просит остаться.

— Генератор кашляет. Без света я не отличу тень от Шуликуна. Проверю и вернусь.

Он взял фонарь «Феникс» на механическом динамо — единственный, что не глох от геомагнитных сдвигов — и вышел в ледяной коридор. Лампы дневного света разбились охотники за цветметом, осталась лишь аварийная над лестницей. Она моргала: три вспышки, пауза, две, пауза, снова три. Свет вырывал облупившиеся стены — кто-то выцарапал ногтями длинные полосы.

Максим шёл быстро, но боковое зрение цепляло детали: детская варежка на полу — сухая, хотя дождь лил часами; плакат «Берегите лес» с белкой, у которой вырезаны глаза, и сквозь дыры — тёмная пустота за обоями.

В подвале пахло мазутом, ржавчиной и сладковатой гнилью, как от яблок. Генераторная встретила его сизым дымом. Старый дизель кашлял, чихал, обороты не держал — работал на трёх цилиндрах, четвёртый звенел, будто внутри перекачивался камешек. Фильтры были забиты чёрной слизью, похожей на смолу. Одна клемма позеленела, пахла озоном и рыбой.

Агрегат взвыл, но тут же сорвался в истеричный визг, в котором послышался женский вскрик — и оборвался.

Максим выпрямился, вытер руки. Лужица конденсата под трубой замерзла. В подвале было тепло, пар шёл изо рта, но вода на бетоне покрылась льдом — трескалась и расходилась папоротниковым узором. Приложил ладонь к бетону — стена была ледяной, холод пронимал сквозь перчатку. Под пальцами — слабая вибрация, будто кто-то ходил в такт сердцу.

— Кто здесь? — прошептал он. В ответ — только звон колокольчиков, донёсшийся сверху.

Максим развернулся, пошёл обратно, перепрыгивая через ступеньки. Сердце колотилось, но он не бежал — бег привлекает внимание.

В номер он ввалился через пятнадцать минут. Наталья, взглянув на него, поняла всё без слов. Он был серым, как покойник, — красный свет не давал лицу цвета. Он молча достал флягу, сделал глоток. Вода булькала вязко, как кисель, и отдавала металлом — хотя он наливал фильтрованную.

— Глохнет, — голос сел. — Стартер залип. Будто кто-то держит коленвал изнутри. Я слышал колокольчики.

Наталья побледнела, перелистнула тетрадь, ткнула пальцем в абзац:

— Если звон слышен — они вышли из проруби. Идут сюда. Нам нужно уходить.

Она встала, но Максим остановил её:

— Рано. При свете они не войдут. Генератор даёт тепло — это барьер. Если я отойду, они нападут.

Спор оборвал протяжный стон труб. Не гул радиаторов — низкий, утробный, а затем человеческий крик. Женский, высокий, истеричный. Максим узнал голос матери.

— Мама? — вырвалось у него.

Вой захлебнулся отчаянием, бился о стены, взвинтился до ультразвука. Максима свело челюсти, перед глазами поплыли пятна. Он упал на колено, зажимая уши, но звук проникал сквозь плоть, вибрировал в костях.

Наталья зажала уши, но не сводила глаз с тетради. Страницы вибрировали, чернила расплывались, складываясь в папоротниковые линии, а затем — в цветок терновника с пятью лепестками.

— Не трогай! — крикнула она, увидев, как он вскинул приклад. — Это Мара! Она говорит через трубы, как через артерии! Пробьёшь металл — выльется!

Поздно. Приклад ударил в трубу — глухой удар, дрожь по стене. Вой оборвался, сменившись тонким всхлипом ребёнка. Труба задрожала, из стыка брызнула ржавая вода и тут же застыла ледяной сосулькой.

Наталья бросилась к столу. Пластиковая бутылка, набранная ещё в Москве, стояла на газете. Вода в ней замёрзла — но лёд рос со дна, выдавливая жидкость вверх, и достиг середины, хотя обогреватель раскалился добела.

Максим перехватил ружьё для второго удара, но Наталья повисла на его локте:

— Стой! Это жила дома! Пробьёшь — выпустишь духа! Мать писала — в старых зданиях на капищах трубы становятся сосудами! Это кровь земли!

Максим сбросил её плечом — она ударилась о косяк, но не вскрикнула. Он стоял, тяжело дыша, глядя на трубу, из которой капала ржавая вода, застывая шариками. Руки дрожали от ярости и бессилия.

Вой стих до жалобного скуления и замер. Тишину нарушало лишь дыхание и треск пластика — бутылка лопнула, лёд выпал на газету, оставив мокрый терновый цветок.

— Свет! — прохрипел Максим. — Выключи красный!

Наталья щелкнула тумблером. Комната погрузилась в мрак, разбавляемый лишь бледным светом фонарей с парковки. Максим подошёл к окну, хотел отдернуть штору, но замер. Провёл пальцем по стеклу — изнутри толстый слой инея. Сложный папоротниковый узор, как в крещенский мороз.

Он стёр иней. За стеклом — детская ладонь, прижатая к третьему этажу. Чёткий отпечаток с завитками кожи, заполненный снегом, который не таял от тепла. Маленькие пальчики, короткие ногти, на одном — облупленный лак.

За окном — только ноябрьская тьма и ледяной дождь. Никого. Но отпечаток оставался, будто приклеенный снаружи.

Волосы на затылке встали дыбом. Холод от окна не имел отношения к погоде — это была стынь пустой могилы.

Он отступил.

— Третий этаж, Наташ. — Голос ровный, но пальцы на цевье побелели. — Как они могут стучать в окно третьего этажа? Здесь нет балконов, только гладкая стена. Откуда они?

Наталья подошла вплотную. Она смотрела не на стекло, а на отражение брата. И за его спиной тени от мебели начали вытягиваться, складываясь в непропорциональные фигуры в остrokонечных колпаках — маленькие существа, застывшие в ожидании.

Она достала из кармана коробок охотничьих спичек — с красными головками, зажига-ются даже о мокрую поверхность.

— Нам нужно живое дерево, Макс, — прошептала она. — Сейчас. Я видела берёзу за турбазой. Пока они не напали — выходим через чёрный ход. У нас пара минут.

Максим проследил за её взглядом. В углу шкаф отбрасывал тень, которая росла, становилась объёмной — и внутри проступили два тусклых глаза, как заклёпки.

Он встал между сестрой и шкафом, поднимая топор.

— Беги. Я прикрою. Если через три минуты не выйду — зажигай берёзу. И ещё... — он вытащил из кармана старую фотографию в кожаном рамке. Отец, молодой, на фоне этой же турбазы, двадцать лет назад. Максим нашёл её в генераторной, среди хлама, с надписью на обороте: «Аркадий, 1987, Торжок, база «Сосновка». И внизу, другим почерком, словно дописано позже: «45-й километр МКАД».

— Он был здесь. И оставил подсказку. — Максим сунул фото в руку Наталье. — Если я не вернусь — сохрани. Это ключ к следующему маяку.

Наталья мельком взглянула, узнала снимок из альбома матери.

— Зачем он был здесь?

— Не знаю. Но теперь знаем, куда ехать дальше.

Он не дал ей ответить. Повернулся к шкафу, ударил лучом в тень. Та зашипела, отпрянула — на миг мелькнуло сморщенное лицо с пустыми глазницами, и исчезло в коридоре, откуда донёлся звон колокольчиков — теперь у самой двери.

— Живо! — гаркнул он.

Наталья рванула к чёрному ходу, сбивая стул. Ворвался ледяной воздух, но она уже бежала к берёзе со спичками и тетрадь.

Максим остался один. За дверью скрёб когтями. Он перехватил топор, шагнул вперёд:

— Ну давай, ряженный. Посмотрим.

Из глубины коридора донёлся детский плач. Максим понял: это не Шуликун — та самая ладонь звала его по имени.

Он стоял у двери. Звон колокольчиков нарастал. Тени под дверью уплотнялись. Он шагнул вперёд. Но за окном вспыхнул свет — жёлтый, тёплый, живой. Наталья зажгла берёзу. Сухая кора вспыхнула мгновенно, пламя взметнулось, озаряя поляну и окна.

Звон оборвался. Тени дёрнулись, отшатнулись, попятились в коридор. Живой огонь жёг их.

Максим не опускал топор, пока звон не стих окончательно. Затем подошёл к окну. Наталья стояла у горящей берёзы, прижимая тетрадь. Бледная, но глаза горели.

— Они ушли, — сказала она, когда Максим открыл окно. — Свет держит их на расстоянии.

Он вылез, обнял её за плечи. Она дрожала от напряжения.

— Мы не можем остаться. Когда огонь погаснет, они вернуться.

— Уедем на рассвете.

Они сидели у костра всю ночь, сменяя друг друга. Шуликуны не приближались, но Максим видел их тени в окнах — они ждали.

На рассвете они сели в «Ниву» и выехали на трассу. Небо было серым, ледяной дождь снова забил по стеклу. Турбаза осталась позади.

Наталья держала в руках фотографию отца.

— Куда теперь? — спросила она, глядя на надпись обороте.

Максим сжал руль.

— 45-й километр. Там, где отец оставил следующую зацепку.

Глава 3. Кольцевая аномалия

Они въехали на МКАД глубокой ночью, когда огни встречных машин уже не слепили, а тянулись редкими пунктирами — дальнбойщики, такси, редкие курьеры. Максим вёл «Ниву» по правому ряду, сверяясь со старым атласом автодорог, где отец жирно обвел фломастером кольцо. Они искали сектор между Рублёвкой и Новой Ригой — там, где бетонный рельеф совпадал с царапиной на обороте старой фотографии. В салоне пахло бензином, сухими травами и их собственным потом — они не спали уже больше суток, но адреналин работал лучше любого кофе.

— Расскажи ещё раз про отца и турбазу, — попросила Наталья. Она сидела, поджав ноги под себя, и в свете приборной панели её лицо казалось вырезанным из старого воска — бледное, с тенями под глазами, которые за последние дни стали глубже и темнее.

— Я уже рассказывал, — Максим не сводил глаз с дороги.

— Расскажи ещё. Мне нужно услышать это снова. Чтобы запомнить.

Он вздохнул, но не стал спорить. За годы скитаний он научился понимать: сестре иногда нужно проговаривать вслух то, что уже известно, чтобы сделать это реальным.

— Я нашёл фотографию в генераторной. Засунул её за трубу, в щель между кирпичами. Там даже пыли не было — кто-то подкладывал её туда недавно. Может, за месяц до пропажи. На обороте — надпись: «Аркадий, 1987, Торжок, база «Сосновка». И внизу, другим почерком, словно дописано позже: «45-й километр МКАД».

— Он знал, что мы будем искать, — тихо сказала Наталья. — Он оставлял нам хлебные крошки.

— Или ловушки, — поправил Максим. — Мы ещё не знаем.

Она замолчала. Смотрела на дорогу, но видела другое — чернильные узоры в тетради матери, которые складывались в знакомый цветок терновника. Её шея начала ныть — под кожей набухла горячая жила, отдаваясь тупым эхом в основание черепа, словно внутри натягивалась струна из замерзшего стекла. Она потёрла место, но боль не проходила.

— Наташ, ты в порядке? — Максим покосился на неё.

— Да. Просто устала. — Она солгала, и оба это знали.

Они въехали на развязку, где ряды фар тянулись в обе стороны, как светящиеся бусы. Но что-то было не так. Впереди, за поворотом, огни не двигались. Они стояли на месте, превратившись в неподвижную гирлянду.

Максим сбросил скорость, затем нажал на тормоз — но «Нива» не затормозила. Колёса пошли юзом по сухому асфальту, словно дорога покрылась невидимым маслом. Он вывернул руль, пытаясь удержать машину, но она потеряла управление и медленно, как во сне, развернулась поперёк полосы. Двигатель заглох. Обороты упали до нуля, и стартер лишь бессильно щёлкнул релюхой.

Тишина. Полная, ватная, неестественная тишина, в которой утонул даже гул шин.

Максим ударил по рулю ладонью. Панель приборов уже гасла: сначала потух цифровой экран магнитолы — последние цифры частоты застыли на 88,2, словно радио пыталось поймать сигнал из другого мира. Затем медленно, как затухающая сигарета, истлела подсветка спидометра. Погасли фары, и вокруг них сомкнулась густая, непроглядная тьма, разбавляемая лишь тусклым светом уличных фонарей — они, к удивлению, продолжали гореть.

— Предохранители? — спросила Наталья. Она уже рылась в поясной сумке, нащупывая коробку с запасными керамическими предохранителями. Голос у неё был ровным — профессиональное спокойствие, выработанное за годы опасностей.

Максим дёрнул крышку блока под рулевой колонкой. Пластик обжёг пальцы — он был горячим, будто внутри продолжалось короткое замыкание. Внутри вместо аккуратных стеклянных цилиндров зияли пустые гнезда — керамика испарилась, оставив лишь черные подпалины на металле и едкий запах сожженной изоляции. — Выгорели напрочь. — Он потряс обожженными пальцами. — Не перегрузка. Магия Сквозняка жрет электричество напрямую, ей не нужны провода.

Он посмотрел на свои механические «Восток-Амфибия» — отцовский подарок на совершеннолетие. Стрелки мелко подрагивали, но продолжали отмерять время. Три часа ночи. Секундная стрелка дёргалась, как игла сейсмографа, но не останавливалась.

Снаружи стояла абсолютная тишина. Не работал ни один двигатель на двенадцать полос кольца. Только где-то далеко, со стороны области, монотонно выл чей-то автомобильный гудок — заунывно, без пауз, словно кричало само железо от боли. Звук не утихал, не менял тональности — он был ровным, как похоронный колокол, застрявший в одной ноте.

Максим толкнул дверь. Она открылась с противным скрипом, и он вылез под ледяной ноябрьский ветер. Воздух пах озоном — так пахнет воздух после удара шаровой молнии или перед самой страшной грозой: резкий, металлический привкус на языке, от которого немеет дёсна. Небо над Москвой было чистым, если не считать обычного рыжего купола светового загрязнения. Асфальт тоже был сухим. Ни капли дождя. Ни снега. Только ветер — он дул не с какой-то стороны, а отовсюду сразу, заставляя волосы на затылке вставать дыбом.

Они были не одни.

Справа и слева стояли сотни машин: ржавые «Жигули» с облезшей краской, новенькие кроссоверы на литых дисках, грязные фуры-дальнобои с прицепами. И в каждой из них сидели

люди. Они не двигались, не разговаривали, не смотрели по сторонам. Они просто сидели, застыв в позах водителей, которые ждут зелёного сигнала светофора.

Водитель маршрутного такси справа смотрел строго перед собой. Его руки лежали на верхней части руля — левая на десяти часах, правая на двух. Пальцы не шевелились. Глаза широко открыты, зрачки расширены так, что радужка превратилась в тонкое коричневое кольцо. Он моргал раз в полминуты — оба глаза одновременно, с глухим влажным звуком, который был слышен даже через закрытое стекло.

Его машина медленно, сантиметр за сантиметром, ползла вправо. Руль поворачивался сам по себе, подчиняясь невидимой руке. Переднее колесо мягко перевалилось через низкий разделительный бордюр. Металл бампера начал скрести об отбойник, высекая длинную яркую искру, но водитель даже не вздрогнул. Он продолжал смотреть в пустоту, и только уголки его губ слегка приподнялись — не улыбка, а скорее судорога.

То же самое происходило везде. Машины плавно стекались к краям дороги, заполняя технические тротуары, упираясь в бетонные блоки и замирая. Это была самая жуткая авария в истории города — и в ней никто не пострадал, все жертвы оставались при этом идеально вертикальными.

— Магнитная буря? — Наталья вышла с другой стороны, зябко кутаясь в телогрейку. На её шее звякнули амулеты — резко и тревожно, как бой набатного колокола.

Она достала тот самый компас — отцовский, латунный, с потёртым корпусом. Максим отдал ей его после турбазы, когда понял, что она чувствует Навь тоньше, чем он. Она открыла крышку. Стрелка крутанулась волчком три раза, замерла на секунду, указывая куда-то вниз, в центр Земли, а затем снова сорвалась в безумный танец, мечась между севером и югом, западом и востоком.

— Геомагнитный сдвиг, — констатировала она, пряча компас обратно. — Навь давит снизу. Электроника для неё — как открытая рана. Любая схема, любой ток становится проводником. Мы ослепли и оглохли, Макс. У нас остались только глаза, уши и твоя железная машинка на запястье.

Она кивнула на его часы.

Максим задрал голову, глядя на верхушку ближайшей опоры. Фонари продолжали гореть ровным жёлтым светом — старые дуговые ртутные лампы оказались слишком инертными для магии Сквозняка. Их свет падал на асфальт, выхватывая из темноты лица застывших водителей. У одного из них, в старой «копейке», на лбу выступили капли пота — они не стекали, а замерзали на месте, превращаясь в мелкие ледяные бусины.

— Смотри, — тихо сказала Наталья, указывая на небо.

Над крышей торгового центра в паре километров формировалась воронка. Она собиралась из птиц. Сотни, тысячи ворон сорвались с деревьев, но не рухнули замертво. Их полет сломался на полпути: одни замерли в воздухе, трепеща крыльями в невидимом желе, другие сложили крылья и понеслись к земле. Ударяясь об асфальт, они не издавали ни звука — просто осыпались сухим пеплом, устилая парковку черно-фиолетовым саваном. Они кружили против часовой стрелки, образуя плотный вращающийся смерч высотой с девятиэтажный дом. Перья сыпались вниз вместе с редким снегом, который не таял, а ложился на асфальт тонким слоем ледяной крупы. Ни единого карканья — только шелест тысяч кожистых крыльев, похожий на шорох сухой листвы.

Наталья схватила Максима за рукав. Её лицо побледнело, зрачки расширились — она смотрела на воронку не как на аномалию, а как на знак.

— Это не просто вороны, Макс. Это гости. Мара собирает свой двор. Ты видишь, как они кружат? Против солнца. Это обходной путь. Они прокладывают тропу.

— Тропу куда?

— Навь уже под ногами. Она прёт сквозь бетон, сквозь асфальт. Скоро здесь будет не МКАД, а ледяная пустошь.

Максим сжал челюсти. Он хотел ответить, что это просто массовый психоз, что вороны сбиваются с курса из-за магнитной бури, что всё можно объяснить физикой. Но запах озона и могильной сырости, который усиливался с каждой секундой, говорил об обратном.

— Наташ, смотри, — хрипло сказал он.

Он кивнул на салатовый микроавтобус «Газель», зажатый между бетономесом и старым «Мерседесом». За рулём сидел смуглый мужчина в тубетейке. До этого момента он был такой же статуей, как и остальные: застывшие кисти рук, пустой взгляд в никуда.

Но теперь его голова начала поворачиваться. Движение было рваным, механическим. Позвоночник изгибался под невозможным углом. Щелк. Шея повернулась на девяносто градусов. Щелк. Ещё на сорок пять. Кости ломались одна за другой с сухим треском.

Глаза водителя оставались закрытыми. Веки не дрожали. Но теперь его лицо смотрело точно на них. На лбу проступила тонкая чёрная жилка, похожая на трещину в старом фарфоре — она пульсировала, расширяясь, и в её центре начинал проступать знакомый узор: пять лепестков терновника.

За ним, в салоне маршрутки, началось синхронное движение. Десяток пассажиров — уставшие работяги в тёмных куртках, студентка с наушниками, женщина с ребёнком на руках — начали поворачивать головы в ту же сторону. Один за другим. С тем же тошнотворным хрустом шейных позвонков. Их глаза открывались одновременно, но не все — у некоторых веки оставались сомкнутыми, и сквозь них проступали тёмные пятна зрачков.

Девочка на руках у матери открыла глаза. Они были абсолютно белыми, без зрачков, с едва заметным голубоватым отливом. Она улыбнулась, обнажив мелкие острые молочные зубы, и прижала палец к губам. Её губы беззвучно шевелились, складываясь в одно слово, которое Наталья прочитала по движению губ: «Ма-ра».

Максим попятился, толкая сестру к машине.

— Наташ, назад. В машину. Живо.

Он услышал, как за спиной, в салоне их собственной «Нивы», заскрежетал стартер. Чужой, не их стартер — он крутился сам по себе, хотя ключа в замке зажигания не было. Приборная панель вспыхнула мертвенно-зелёным светом аварийных ламп. Из-под капота повалил густой белый дым, пахнувший палёной изоляцией и сладковатой гарью человеческих волос.

Максим прыгнул обратно за руль, вырывая ручной тормоз. Машина содрогнулась и заглохла окончательно — двигатель издал последний хриплый кашель и умолк. Когда он поднял глаза, салон маршрутки был пуст. Водитель-мигрант сидел ровно, глядя вперёд сквозь лобовое стекло. Его шея была прямой, целой. Никаких щелчков. Никакого поворота. Только на зеркале заднего вида болтался маленький кожаный амулет — крошечная ступка с пестиком, аккуратно пришитая к ремешку. И на ней, выжженное тонкой иглой, то же самое изображение — терновый цветок.

Наталья забилась на заднее сиденье, прижимая к груди тетрадь матери. Её руки тряслись.

— Они знают, — прошептала она. — Мара уже здесь. Она не ждёт — она уже идёт по нашим следам. Мы не должны были ехать по МКАД. Это её дорога. Её охотничьи угодья.

Максим сжал руль так, что побелели костяшки. Он посмотрел на карту — старый бумажный атлас, который лежал в бардачке. Пространство вокруг перестало подчиняться картам. Здесь километр мог тянуться вечность или сжиматься в шаг. Они могли пройти тысячи верст или остаться на одном месте — в Нави расстояния измерялись болью, а не километрами.

Он перевёл взгляд на схему московского метро, приклеенную к обратной стороне карты. Филевская линия. Заброшенные станции. Тоннели, которые ведут на северо-запад. Если уйти под землю, можно обойти аномалию на поверхности. Но под землёй их будет ждать другое.

— Есть вариант, — сказал он, не оборачиваясь. — Мы не поедем по трассе. Мы спустимся. Метро. Старые линии, которые закрыли ещё в девяностых. Отец говорил, что они соединяются с бомбоубежищами, а те — с подземными ходами под Тверской областью. Если это правда, мы сможем выйти прямо под Торжком.

Наталья подняла на него глаза. В них был страх, но и искра надежды — та самая, которая заставляла её верить в старые карты и бабушкины сказки.

— Ты знаешь, что там живёт. Под землёй. Духи метро, старые инженеры, замурованные в бетон. И то, что голоднее их.

— Знаю. — Он попытался завести мотор, но стартер издал лишь сухой визг. Бензин в баке больше не горел — искра свечи вязла в густеющем мареве Нави. Двигатель умер окончательно. — Там внизу мы встретим голодную нежить. А здесь через пять минут станем такими же статуями. Выбирай.

Наталья молчала три долгих секунды. Затем она кивнула и начала рыться в рюкзаке, доставая новую пачку обоев и костяной крес — короткий ритуальный клинок из голени лося, которым мать учила их чертить охранные круги.

— Тогда нам нужен проводник. Кто-то, кто знает подземные ходы. И я знаю, где его найти.

Она развернула карту метро и ткнула пальцем в станцию «Черный Ворон» — несуществующую на официальных схемах, но отмеченную в материнских записях.

— Здесь. Наш отец оставил там закладку. Я думала, это просто старый склад. Но теперь я понимаю — он готовил путь.

Максим выжал сцепление и дал газу. «Нива» рванула с места, оставляя позади застывшие автомобили, вращающуюся воронку из ворон и маршрутку с пустым салоном. Кожаный амулет на зеркале заднего вида всё так же висел, медленно вращаясь, хотя ветра не было.

Они выехали на развязку, уходя в сторону ближайшего входа в метро. За их спиной, сквозь рыжий купол городского зарева, начал медленно подниматься туман — густой, молочный, он сворачивался в спирали, похожие на пальцы гигантской руки, тянущейся к небу.

И где-то там, в глубине этого тумана, снова раздался тот же монотонный гудок клаксона — но теперь он звучал не как сигнал аварии, а как зов. Долгий, низкий, почти человеческий, в котором угадывалось одно слово, повторяемое снова и снова низким вибрирующим гулом: — Иди...

Максим вдавил педаль в пол, и машина нырнула в тоннель под эстакадой, оставляя МКАД с его мёртвыми водителями и вороньим смерчем позади. Впереди была тьма. И метро. И Чёрный Ворон.

Глава 4. Чёрный Ворон метрополитена

После того как они нырнули в тоннель под эстакадой, оставив позади МКАД с его мёртвыми водителями и вороньим смерчем, Максим вёл «Ниву» по пустынным улицам промзоны, пока двигатель не заглох окончательно. Они бросили машину в тупике, за кирпичным забором бывшего автосервиса. Стартер выл, но коленвал не проворачивался — будто внутри двигателя застыла густая смола. Максим накинул на капот брезент, сорвал с крыши антенну и сунул в рюкзак — на всякий случай. Наталья переложила тетрадь матери в гермомешок и повесила на грудь поверх телогрейки.

— Ты уверена, что этот вход рабочий? — спросил Максим, глядя на бетонную коробку бывшей чебуречной. Окна были заложены кирпичом ещё при Лужкове, а над дверью намертво примерз кусок ржавой жести, бывший когда-то меню. — В материнских записях сказано: «Технический коллектор под точкой обжарки мяса, 500 метров до старого русла, выход на платформу». — Наталья провела пальцем по странице, где был нарисован схематичный план. — Она зачем-то сюда ходила. За полгода до исчезновения.

— И не сказала нам.

— Она много чего не говорила.

Они обошли здание с тыльной стороны, где ржавая пожарная лестница вела к подвальному окну, заколоченному досками. Максим сбил доски прикладом, и в лицо ударил холод — сухой, колючий, не имеющий ничего общего с сыростью подвала. Оттуда пахло бетонной пылью и озоном, тем же самым запахом, который уже стал их постоянным спутником.

— Глубокая земля, — сказала Наталья, чихая от пыли. — Она дышит. Слышишь?

Максим прислушался. Где-то внизу, сквозь толщу грунта, доносился равномерный низкий гул — не звук, скорее вибрация, которая отдавалась в зубах.

Они спустились по приставной лестнице, которая жалобно скрипела под весом. Внизу был коллектор — прямоугольный бетонный тоннель высотой в рост человека, с ржавыми трубами вдоль стен и слоем липкой чёрной грязи на полу. На стенах кто-то оставил граффити — старые, выцветшие надписи: «Алиса здесь была», «Выхода нет», «Мара придёт». Максим заметил последнюю надпись и нахмурился.

— Это не случайно. Кто-то знал.

— Или кто-то оставил нам подсказку, — ответила Наталья, дотрагиваясь до букв пальцем. Краска была свежей — она пахла ещё не выветрившимся растворителем.

Они шли по коллектору около получаса, пока он не расширился в высокую арку, выложенную старым красным кирпичом. Впереди замаячил прямоугольный проём — вход на платформу заброшенной станции. Здесь было темно, но Максим включил подствольный фонарь. Луч резал тьму узким белым лезвием, но вяз в густом тумане, который поднимался от шпал и оседал на стенах инеем.

— Странно, — сказал он. — Температура упала на десять градусов, но я не чувствую холода. Только тяжесть.

— Это давление Нави, — объяснила Наталья. — Она не холодная, она просто забирает тепло. Как морозный воздух в карстовой пещере — он не холодный, он пустой.

Они вышли на платформу. Здесь было тихо, как в склепе. С потолка свешивались оборванные кабели, кое-где ещё висели таблички с названиями станций, но буквы на них стёрлись до неузнаваемости. Вдоль путей стояли старые скамейки, облупленные и прогнившие. На одной из них лежала забытая газета, вся мокрая, но дата на ней была — вчерашняя.

Максим крикнул в темноту тоннеля:

— Эй!

Звук умер мгновенно, словно его проглотили. Эха не было. Стены, обшитые звукопоглощающими панелями, не отражали звук, но сейчас казалось, что само пространство имеет пористую структуру губки — каждый звук впитывался и исчезал, не успев долететь до цели.

— Макс, смотри.

Наталья указала на перрон. Слева, у дальней колонны, зажёгся огонёк. Не светодиодный, не электрический — живой, трепещущий, как пламя свечи на сквозняке. Это была старая бензиновая зажигалка Zippo. Из-за колонны показался человек.

Это был старик-армянин в замасленной телогрейке, надетой поверх когда-то дорогого, но измазанного глиной пиджака. На голове — кепка-аэродром с обломанным козырьком. Он сидел на корточках у ржавой дрезины, подкручивая фитиль керосиновой лампы. Вокруг него на полу были разложены инструменты — ключи, отвёртки, катушки проволоки — и несколько старых деталей от вагонеток. Он работал молча, не глядя на них.

— Спускайтесь, живые, — голос у него оказался неожиданно молодым, рокошущим, с лёгким акцентом, который больше походил на южный говор, чем на армянский. — Наверху Сквозняк рельсы гнёт, как олады. А внизу пока тихо. Относительно.

Они подошли. Старик мазнул взглядом по разгрузке Максима, по амулетам Натальи и цокнул языком, отчего его усы дрогнули.

— Охотники. Сразу видно. У меня дед кузнецом был, я вашу породу чую. Железо вас любит, да железо вас и погубит. — Он покосился на ствол «Вепря», который Максим держал на изготовку. — Не бойся, парень. Я не из тех, кто жрёт живых. Я из тех, кто их чинит.

— Ты кто такой? — ствол смотрел старику точно в переносицу. Максим не опускал оружия — он слишком много раз видел, как безобидные на вид старики оборачивались навьюченными тварями.

— Ашот, — представился тот, ничуть не смутившись. — Автослесарь. Раньше движки капиталил на «Мерседесах», теперь вот пути блюду. Чисто московский колорит — починка того, что не должны были сломать. Вы бы поторопились. Через полчаса Чёрный Ворон пойдёт. Опоздаете — заберёт.

— Какой ворон? — Наталья присела на край платформы, доставая из рюкзака моток альпинистского троса и страховочный карабин. Она внимательно разглядывала старика, пытаясь понять, кто он на самом деле. — Электрички тут десять лет не ходят, дед. Контактный рельс снят.

Ашот усмехнулся, обнажив золотой зуб.

— То электрички людей возят, а этот сам ездит. Души собирает. Инженера при закладке первой сваи заживо бетоном залило. Строили станцию глубокого заложения, рама треснула, вода пошла. Его не успели вытащить — он остался там, в форме. С тех пор мается. Ему компания нужна. Кто опоздал к последней городской собаке — того и везёт до депо. — Я вот тоже... задержался немного. — Он усмехнулся, кивнув на свои ноги. Звук вышел сухим, словно сломалась ветка. Максим перевёл луч фонаря вниз и замер. Ниже колен плоть старика не просто сливалась с камнем — она вытеснялась гранитом. Кожа лопнула, обнажив серую породу, покрытую сеткой чугунных вен-труб, из которых сочилась густая ржавая вода. Камень пульсировал, как больное сердце. Наталья судорожно сглотнула, делая шаг назад. Её амулеты на шее звякнули коротко и испуганно.

— Полчеловека всего осталось, — продолжил Ашот, не обращая внимания на их изумлённые лица. — Скоро совсем окаменею. Стану частью этого тоннеля, ещё одной закладной сваей. Это не больно, если честно. Просто — медленно, как сон. Ты просто перестаёшь помнить, каково было чувствовать ноги.

Наталья перевела взгляд с его ног на лицо.

— Вы знали моего отца? — спросила она внезапно. — Аркадия Фонвизина?

Ашот замер. Его глаза сузились, и в них промелькнуло что-то похожее на узнавание — смесь боли и вины.

— Аркадий, — повторил он, будто пробуя имя на вкус. — Высокий, с сединой на висках? Всегда с книгой в руках? — Он кивнул. — Приходил сюда месяцев восемь назад. Искал проход к Торжку. Спрашивал про Ворона — как его обойти. Я ему показал схему старых дренажных ходов. Он оставил мне вот это. — Ашот полез в карман пиджака и извлёк медную монету — старую, почти стёртую. На ней был выбит тот же терновый цветок.

— Он знал, что вы тут окаменеете? — спросил Максим.

— Знал. И сказал, что если я когда-нибудь встречу его детей — передать эту монету. Она не простая. Она — ключ к одной из дверей в Навь. — Он протянул монету Наталье. — Берите. Она ваша по праву.

Наталья взяла монету дрожащими пальцами. Металл был ледяным, почти обжигающим. Она сунула её в мешочек с оберегами, чувствуя, как та пульсирует в такт её собственному сердцу. Она не знала, для чего она пригодится, но отец не оставлял вещей просто так.

Максим хотел спросить ещё что-то, но осекся. Его нос уловил новый оттенок запаха. Кровь. Свежая, горячая, перебивающая даже химический озон и машинное масло.

— Там, — он указал фонарём в черноту тоннеля, откуда тянуло сквозняком. — Метров пятьдесят. Воняет железом и чем-то сладким.

— Не ходи туда, парень, — Ашот поднялся, опираясь на лом. Его руки дрогнули, и гранитная корка на ногах треснула, обнажив под ней бледную, почти просвечивающую плоть. — Там сегодня уже один ушёл. Ровно посередине колеи лёг. Аккуратист.

Они пошли. Максим впереди, Наталья на шаг позади, Ашот — прихрамывая, но довольно быстро, переставляя окаменевшие ноги, которые издавали сухой шорох, как мелкие камни.

Тело лежало идеально симметрично. Прямо на стальном сердечнике третьего рельса — того самого, по которому когда-то подавался ток. Мужчина неопределённого возраста, одетый в три слоя грязного тряпья. Бомж, судя по запаху и виду. Но смерть застала его в момент идеальной чистоты: лицо выбрито, седая борода аккуратно подстрижена. На груди сложены руки, пальцы сплетены в замок — неестественно спокойная поза для человека, который умер в метро.

Максим подошёл ближе, светя под ноги. Ни одной капли крови вокруг. Вообще. Обычно при насильственной смерти артерии фонтанируют, заливая всё вокруг минимум на пару метров. Здесь же бетон шпал был девственно чист, если не считать слоя чёрной пыли. Само тело выглядело странно. Кожа была белой, как мел или старая бумага, и натянута так туго, что череп просвечивал сквозь височные доли. Губы отсутствовали, обнажая ровные, пожелтевшие зубы в вечном оскале, будто он хотел крикнуть, но звук застрял в горле.

Наталья присела на корточки рядом, не касаясь тела. Она заметила, что одежда убитого — старый ватник и рваные джинсы — не просто испачкалась о рельс. Она была покрыта тонким слоем металлической пыли. Золотистой, бронзовой и серебристой, словно металлическая стружка. Блестки переливались в свете фонаря, создавая ощущение, что человека пропустили через гигантскую мясорубку вместе с медной проволокой, а потом аккуратно собрали обратно.

— Что это за пыль? — спросил Максим, боясь коснуться ткани рукой. Он вытащил нож и осторожно поскрёб по ватнику. Стружка осыпалась, но не как порошок, а как крошечные, почти микроскопические шестерёнки — они лежали на лезвии и слабо вращались сами по себе.

— Бронза его души, — ответил Ашот, остановившийся позади. — Когда Ворон берёт пассажира, он вытягивает тепло через металл. Душа человеческая имеет вес и структуру — он переплавляет её в эти механизмы. Остаются только шестерёнки. Он аккуратист, говорю же. Порядок любит. Каждую деталь — на своё место.

Наталья медленно опустилась на колени рядом с телом. Достала из внутреннего кармана юбки старый поляроид SX-70 — мать купила его на барахолке и научила дочь делать «слепки пространства». Это была не обычная камера — она использовала плёнку, пропитанную серебряной эмульсией, которая реагировала на эманации Нави.

— Если вспышка зацепит истинную форму тени, мы увидим маршрут Ворона, — прошептала она брату. — Нужен слепок пространства перед смертью. Дух инженера оставляет след в моменте перехода. Это как фотография души.

Она подняла камеру. Щёлкнул механизм выброса снимка. Кассета зашипела, исторгая клубы фиолетового дыма вместо обычного щелочного запаха химии. Вспышка ударила не светом, а ультразвуковой волной — воздух задрожал, иней на стенах осыпался стеклянной крошкой.

На облупленной кафельной плитке проступили силуэты. Десятки человеческих фигур, вплавленных в камень. Они не были нарисованы краской — они были частью структуры бетона, как ископаемые останки в толще породы. Люди стояли, прижавшись лицами к невидимому стеклу. Их рты были открыты в беззвучном крике, ладони расплощены по поверхности, суставы пальцев вывернуты. Они тянулись к объективу камеры, пытаясь выбраться наружу.

Поляроид выплюнул белый прямоугольник бумаги. На снимке была та же сцена — тело бомжа на рельсах, но вокруг него, в воздухе, парили те же силуэты вплавленных в бетон людей.

Они тянули руки к телу, и на снимке было видно, как из груди убитого исходит тонкая золотистая нить, которая уходит вглубь тоннеля.

— Назад! — рывкнул Максим, хватая сестру за ворот телогрейки и швыряя её за колонну. Он сам рухнул следом, прикрывая их обоих своим телом. Полароид выпал из рук Натальи и упал на рельсы, но снимок остался у неё в пальцах.

Грохот нарастал стремительно. Не ритмичный перестук колёс метро, а сплошной рев несущегося товарняка, усиленный замкнутым пространством тоннеля. Воздух пришёл в движение, тугой волной ударяя в спину. Запахло раскалённым металлом и жжёным волосом. Свет — ослепительный, сине-белый луч ксенона — ударил из глубины. Он должен был залить собой весь перегон, осветить их, размазать по стенам.

Но Максим видел то, что скрыто от обычных глаз. Свет фар бил не из тоннеля навстречу им. Он бил внутрь тоннеля откуда-то сзади. Он резко обернулся, прижимая к себе замершую Наталью.

Их самодельная дрезина — сваренная из арматуры платформа на старых вагонеточных колёсах — стояла позади них, прямо на тех же рельсах, где они её оставили. На ней, прямо над импровизированным рулём из водопроводной трубы, болталось снятое с какой-то иномарки салонное зеркало заднего вида. Именно в этом кривом зеркале отражался несущийся состав. Фары реального поезда находились метрах в десяти от них, освещая тупиковый завал, но визуальный фантом состава уходил вдаль именно через отражение. Поезд-призрак убегал от них в прошлое, оглушая реальностью своего рыка.

Максим смотрел в зеркало, и там, в отражении, на месте водителя, он увидел фигуру в старом инженерном кителе — без лица, с пустым капюшоном, из которого торчали только концы металлических проводов. Фигура подняла руку и медленно помахала им, как старый знакомый.

Когда рев стих и эхо заблудилось в переплетении кабелей, тишина стала звенящей. Ашот стоял там же, где и раньше, опираясь на лом. Только уровень его ног ещё сильнее погрузился в серый мрамор пола. Теперь он был человеком лишь по пояс — гранитная корка поднялась до талии, облекая тело, как вторая кожа.

— Говорил же, — прокряхтел автослесарь, сплевывая каменную крошку. — Опаздываете.

Следующая станция будет вашей конечной, если билет не прокомпостировали. — Он посмотрел на Наталью, держащую в руках снимок. — На этом фото — его путь. Чёрный Ворон уходит по дренажному коллектору на север. Там, за станцией «Полежаевская», есть выход в старые теплотрассы. Они ведут к промзонам. Но предупреждаю — там тепло. А где тепло — там Ичетики. Водяные карлики, которые пьют тепло живых. Вы будете для них как горячий чайник в сугробе.

Максим убрал ружьё за спину и подошёл к дрезине. Снял зеркало с руля и сунул в рюкзак, замотав тряпкой.

— Это зеркало мы берём. Оно может пригодиться, чтобы видеть их, пока они не видят нас.

Ашот усмехнулся, обнажив зубы.

— Умный парень. Твой отец был такой же — всегда брал с собой лишнюю деталь. — Он указал ломом в тёмный проём за станцией, откуда тянуло сыростью и запахом мазута. — Идите туда. Через пятьсот метров будет разветвление. Направо — в депо, налево — в коллектор. Вам налево. И запомните: если увидите в тоннеле свет в конце — не идите на него. Это не выход. Это его фары. Чёрный Ворон любит заманивать.

Наталья подошла к старику, взяла его за руку — холодную, как камень.

— Спасибо, дед. Мы передадим монету туда, куда надо.

— Передайте, — он кивнул, и в его глазах мелькнула искра человеческого тепла. — И скажите отцу, что Ашот долг отдал. Он знает, о чём я.

Максим и Наталья двинулись в проём, оставляя старика на платформе. Тот медленно, сантиметр за сантиметром, уходил в пол — гранит уже доходил ему до груди, и руки начинали неметь, превращаясь в серый камень. Но он улыбался им вслед и шевелил губами, повторяя:

— Торопитесь, — прокрихтел автослесарь. Его голос стал тише, уходя вглубь породы. — Чёрный Ворон любит опоздавших.

Когда они вошли в коллектор, Максим оглянулся всего на секунду. Ашот уже ушел в пол по пояс. Над поверхностью осталась только верхняя половина туловища и рука, всё так же сжимающая керосиновую лампу. Он медленно поднял ладонь — не прощаясь, а скорее благословляя — и гранит сомкнулся на его горле. Свет лампы погас последним.

Тьма сомкнулась. Впереди их ждал узкий, сырой коридор, стены которого были покрыты ржавчиной и слоем чёрной плесени. С потолка капала вода — холодная, тягучая, пахнущая металлом. Где-то вдалеке, за поворотом, слышался слабый, ритмичный шум — как будто работал насос, перекачивающий что-то густое и живое.

Максим достал из рюкзака зеркало, которое снял с дрезины, и закрепил его на разгрузке так, чтобы оно висело на груди, отражая пространство за спиной. Теперь они могли видеть преследователей, не оборачиваясь.

— Теплотрассы, — прошептал он, вытирая пот со лба. — Ичетики. Как там мать писала — они боятся золы и огня?

— И живого тепла, — ответила Наталья, проверяя зажигалку. — Но их много. И они голодные. Нам нужно пройти быстро и не шуметь.

Они двинулись вперёд, оставляя позади станцию «Чёрный Ворон», её застывшего смотрителя и поезд-призрак, который уже где-то далеко в глубине тоннелей собирал очередную душу.

Через пять минут Максим остановился. Он посмотрел в зеркало на своей разгрузке, освещающая его фонарём. В отражении, за их спинами, на стене коллектора, он увидел несколько бледных, детских силуэтов, которые беззвучно скользили за ними — маленькие, с рыбьими глазами и перепончатыми руками. Ичетики уже взяли след. Они двигались бесшумно, но зеркало выдавало их — их тела преломляли свет иначе, чем бетон и вода.

— Бежим, — сказал он, хватая сестру за руку. — Бежим, пока они не окружили нас.

И они побежали по тёмному коллектору, оставляя позади капли воды, плесень и тихий, насмешливый шелест, похожий на детский смех. Зеркало на груди Максима показывало, как ичетики ускоряются, как их перепончатые руки тянутся к ним, но пока не касаются. Они ждали. Они знали, что жертва сама выдохнется.

Впереди, за поворотом, забрезжил слабый свет — не тот, от которого предостерегал Ашот, а настоящий, живой, пробивающийся сквозь решётку люка на поверхности. Они бежали к нему, не оглядываясь, и Максим чувствовал, как за спиной становится холодно — ичетики приближались.

Когда он уже схватился за ржавую лестницу, ведущую к люку, он мельком глянул в зеркало. Ичетики столпились у подножия лестницы. Их перепончатые ладони уперлись в теплый чугун крышки люка, и кожа задымилась от соприкосновения с металлом, прогретым снизу теплотрассой. Боль заставила их отступить на шаг. Они не махали — они припали к земле, открывая пасти, похожие на жабы, и издавая низкое, вибрирующее гудение, от которого заломило зубы. Они ждали внизу, охраняя границу своего холодного царства, зная, что люди сами вернутся во тьму.

Максим не стал ждать. Он рванул люк, вытолкнул сестру наружу, а затем выбрался сам, захлопывая крышку. Снаружи была промзона — серое небо, ледяной дождь, запах мазута и выхлопных газов. Они были живы.

Но под ногами, сквозь чугунную крышку, Максим слышал слабый, ритмичный стук — как будто кто-то снизу тихо аплодировал.

Глава 5. Теплотрасса теней

Они вылезли из коллектора под мостом через Москву-реку, когда ночь окончательно выдохлась, уступив место тяжёлому свинцовому утру. Небо над ТЭЦ было цвета мокрого пепла — ни просветов, ни зари, только густая взвесь смога, оседающая на губах металлическим привкусом. С того момента, как Чёрный Ворон загнал их под землю у МКАД, прошло больше двенадцати часов. Время в Нави текло иначе, растягивая минуты ожидания в часы ледяной пустоты. Теперь они шли по промзоне Юго-Востока — лабиринту бетонных заборов, опутанных колючей проволокой «Егоза», с мёртвыми глазами выбитых окон складских ангаров и ржавыми остовами кранов, торчащими в небо, как пальцы утопленников. Ледяной дождь здесь не кончался — он просто менял угол падения, вбиваясь в землю горизонтально под порывами ветра из труб ТЭЦ, которые были на все лады, как стая голодных собак.

Наталья остановилась, прижимая ладонь к шее. Под пальцами пульсировала метка — та самая, что проступила на коже после их схватки с Чёрным Вороном в подземке. Терновый цветок с пятью лепестками, выжженный не огнём, а холодом, который проник в кровь и осел там, как клеймо. Она не болела, но пульсировала в такт звуку труб, и каждый раз, когда ветер менял тональность, метка отвечала короткой судорогой, отдающейся в зубах.

— Всё нормально? — спросил Максим, не оборачиваясь. Он проверял магазин «Вепря», вытряхивая влагу из патронов. Серебряная дробь потемнела, покрылась налётом, но была ещё годна. Пальцы у него дрожали от холода и недосыпа — они не спали уже вторые сутки, и тело начинало давать сбои.

— Нормально, — соврала она. — Просто холодно.

— Здесь всегда холодно. Это промзона, Наташ. Здесь даже летом солнце не греет.

Они двинулись вдоль бетонного забора, за которым виднелись силуэты ржавых цистерн и разбитых кранов. Откуда-то доносился ритмичный стук — то ли насос, то ли тяжёлый пресс, работающий вхолостую, перемалывающий пустоту. Максим остановился у пролома в заборе, выглянул наружу. Дорога была пуста, только старый фургон без номеров стоял у ворот заброшенного цеха, и его двигатель работал на холостых, выбрасывая в воздух облака белого пара, хотя на улице было морозно. Пар поднимался ровно, без колебаний, словно машина не дышала, а просто извергала из себя туман.

— Фургон без номеров, — сказал он, возвращаясь. — Стоит, греется. Как будто ждёт.

— Или загоняет, — поправила Наталья, вытирая лицо от дождя. — Вспомни записи матери про Нижние Теплосети, — сказала Наталья, вытирая лицо от дождя. — Там упоминался Хозяин Артерий. Он питается не кровью, а кинетикой. Ему нужна сама пульсация города — движение воды, ток газа, тепло работающих моторов. Этот фургон — его приманка. Тот, кто заведёт двигатель или просто шагнёт в полосу выхлопа, отдаст ему свой остаточный импульс.

— Он говорил, что Хозяин Артерий живёт в тепле, — сказала Наталья, сжимая в руках тетрадь матери. — Но в старых книгах это демон, душащий сонных. А здесь, в мёртвом городе, легенда мутировала. Ей плевать на сон — ей нужно тепло. Она нашла самую горячую артерию района — магистральный трубопровод — и поселилась в нём. Этот фургон — её ловушка, а не транспорт. Тот, кто сядет в него, поедет не по дороге, а вниз, в её желудок.

— Значит, она не просто загоняет нас, — Максим поправил лямку рюкзака. — Она пасёт. Как охотничий пёс.

Они обошли фургон по широкой дуге, стараясь не пересекать полосу его выхлопа. Когда они проходили мимо, стекло водительской двери медленно опустилось, и из салона повеяло могильным холодом и сухим, как бумага, воздухом. Там никого не было. Руль поворачивался сам по себе, нажимая на педаль газа, и двигатель взревел, но фургон остался на месте — его словно держали невидимые якоря, вбитые в асфальт.

— Не смотри туда, — велел Максим, хватая сестру за запястье и таща за собой. — Это приманка. Тот, кто заглянет, останется.

Они свернули в боковой проход между ангарами и наткнулись на старый люк тепло-трассы. Крышка была приоткрыта — видимо, кто-то уже залезал сюда, оставив следы грязных подошв на бетоне. Максим присел на корточки, осветил фонарём. Вниз вела ржавая лестница, а оттуда тянуло сухим жаром, гарью сгоревшей изоляции и чем-то сладковато-гнилостным, похожим на запах перезревших фруктов в закрытом помещении.

— Там дышит печь, — сказал он. — Но пламя там горит без дров.

— Значит, мы на правильном пути.

Они спустились. Люк захлопнулся над ними с глухим металлическим лязгом, отрезая серый свет промзоны. Внизу было теснее, чем в коллекторе: трубы отопления шли в несколько рядов, опутанные гниющим стекловолокном, кое-где с них капал конденсат, образуя на полу лужицы, которые дышали паром. Влажность здесь достигала ста процентов, и каждый вдох забивал лёгкие тяжёлым, как вата, воздухом.

Максим включил нагрудный фонарь. Узкий луч выхватил переплетение магистральных труб, за которыми угадывалась кабельная штольня. Он сверился с распечатанной картой коммуникаций, которую они нашли в бардачке «Нивы» ещё до того, как та заглохла на МКАД.

— Под Теплоцентралью-26 есть старая кабельная штольня, — сказал он, водя пальцем по пожелтевшей бумаге. — Она выведет нас к очистным. Оттуда до Торжка рукой подать, если идти по руслу подземной реки. Но идти придётся быстро — там вода, ледяная, и в ней не только ичетики живут.

— Ты говоришь так, будто уже бывал здесь, — заметила Наталья. Она осматривала стены, трогала трубы, прислушивалась к гулу, который доносился из-за бетона.

— Отец рассказывал. Он водил сюда экспедиции, когда я был маленьким. Я думал, это просто страшилки, чтобы мы не лазили в подвалы. Теперь я понимаю — он готовил нас, даже не говоря прямо. Он знал, что мы однажды пойдём этим путём.

Где-то над ними, в бетонной толще, что-то тяжёлое ударило по плите перекрытия. Раз, другой. Металл застонал, и сверху посыпалась мелкая крошка. Люк пытались вскрыть ломом или гидравлическим домкратом снаружи — преследователи, или то, что ими двигало, никуда не делись.

— Бегом! — Максим перехватил топор-чекан удобнее и двинулся вдоль толстой трубы отопления, с которой капал грязный конденсат. Его шаги эхом отдавались в замкнутом пространстве, усиливая чувство преследования.

Бежать пришлось недолго. Луч фонаря упёрся в тупик — обвал породы перекрыл штольню. С потолка свисали ржавые арматурины, вывороченные бетонные куски нагромодились в хаотичную кучу, и только справа, в стене, зияла дыра пролома, ведущая в смежную систему ливневки. Из неё тянуло сквозняком и запахом мазута.

Когда Максим шагнул внутрь, луч света зацепил движение на потолке.

По бетонному своду полз фургон. Белый «Форд Транзит» без номеров и боковых зеркал. Он двигался абсолютно бесшумно, стирая резиновые шины о шершавый бетон, как огромный жук-носорог. Дворники работали сами по себе, размазывая по лобовому стеклу жирную копоть, которая стекала вниз чёрными слезами. Следом за фургоном с потолка сыпались вороны. Они падали вниз уже мёртвыми: переломанные крылья, выклеванные глаза, шеи, свёрнутые под неестественным углом. Птицы разбивались о пол, устилая путь машины ковром из глянцевого чёрного перьев и осколков костей. В воздухе запахло палёным железом и кровью.

— Оно загоняет нас, — прошептала Наталья. Её пальцы чертили в воздухе защитные знаки, но они тут же расплывались во влажной духоте, не оставляя следа. Метка на её щеке запульсировала быстрее, и она почувствовала, как холод поднимается от позвоночника к

затылку. — Это не Сквозняк. Это хозяин промзоны. Албарсты. Она пьёт не сон, а само движение воздуха. Мы для неё — живые вентиляторы.

Максим выхватил из разгрузки светошумовую гранату — старую, ещё отцовскую, с красной маркировкой «ОЗ-87». Он выдернул чеку и швырнул её в фургон. Вспышка была ослепительной, грохот — как удар кузнечного молота. Фургон на мгновение исчез, оставив на потолке только маслянистый след. Но через секунду он материализовался снова, уже за их спинами, в двадцати метрах, и его фары зажглись — два ярких белых глаза, смотрящих прямо на них. Они горели ровно, не мигая, как у хищника, нашедшего добычу.

— Бежим!

Они нырнули в пролом, Максим тащил сестру за собой, перепрыгивая через лужи мазута и битое стекло. За спиной слышалось шипение, похожее на звук лопающейся резины, и низкий, утробный смех, от которого волосы вставали дыбом.

Фургон издал звук рвущегося металла — смех хозяина промзоны — и резко дал задний ход, исчезая в темноте потолка. В ту же секунду из бокового ответвления, скрытого лужей чёрной маслянистой воды, вырвалась тень. Она была размером с десятилетнего ребёнка. Бледная, почти прозрачная кожа туго обтягивала тонкие кости — рёбра проступали наружу, как клавиши старого пианино. Вместо глаз — выпуклые, ничего не выражающие бельма, как у глубоководной рыбы, которая никогда не видела света. Ичетик. Водяной карлик.

Он прыгнул беззвучно, оттолкнувшись от стены всеми четырьмя конечностями, и целился прямо в горло Максима. Максим успел подставить предплечье, чувствуя, как хрупкие рёбра нападающего сминаются под ударом, но кулак прошёл сквозь пустоту — тварь весила не больше кошки, но прилипала к металлу, как пиявка. Её когти — тонкие иглы хирургической стали — впились в бицепс, пропоров плотную ткань куртки и стёганку под ней. Боль была холодной, не горячей — мышцы свело судорогой, и он почувствовал, как немеет рука.

Из темноты полезли остальные. Десяток, два. Они сливались с влажными стенами, становились частью ржавчины, просачивались сквозь решётки дренажных каналов. Их выдавало только преломление воздуха и запах — густой, рыбный смрад стоялой воды и озоновой гнили, смешанный с привкусом застоявшейся крови.

Наталья вскинула руку. В пальцах она сжимала самодельную световую гранату — жестяную банку из-под леденцов, доверху набитую серебрянкой и перхлоратом калия. Рванув чеку-зажигалку, она швырнула её под ноги ближайшему духу. Банка лопнула с глухим хлопком. Вспышка магния выжгла сетчатку даже сквозь закрытые веки — белый огонь поглотил тоннель на три секунды. Ичетики взорвались ультразвуком. Свет обнажил их истинные тела — студенистые мешки, наполненные фосфоресцирующей жидкостью, внутри которых судорожно пульсировали слепые сердца-присоски.

Максим сорвал с плеча «Вебрь». В замкнутом пространстве выстрел двенадцатого калибра ударил по ушам кувалдой — эхо заматалось между трубами, многократно усиливая грохот. Серебряная картечь ушла в тело ближайшего духа. И завязла.

Дробь вошла в бледную плоть, словно в банку с холодцом, и остановилась — свинцовые шарики застыли в толще слизи, окружённые тонкой плёнкой, как застывшие капли воска. Существо посмотрело на свою грудь, затем на Максима. В его рыбьих глазах не было боли, только недоумение — как у ребёнка, которого ударили, а он не понял за что. Ткань сомкнулась вокруг свинца, поглотив металл, и на месте ран выступили только мелкие пузырьки.

— Как кисель! — выдохнул Максим, отбрасывая бесполезное ружьё и выхватывая мачете. Он чувствовал, как холод от когтей распространяется по плечу, заставляя пальцы неметь.

Теснота играла против него. Широкий замах невозможен — трубы мешали, потолок давил. Он работал лезвием коротко, тычками, используя рукоять как рычаг для ломания шей. Но каждый удар вяз, будто он рубил густое тесто. Мачете входило в водянистую плоть по самую

гарду и застревало, и ему приходилось выдёргивать клинок рывком, теряя равновесие. Ичетики висели на нём гроздью, облепляя спину, бёдра, руки. Их ледяные пальцы отрывали куски ткани вместе с кожей, оставляя длинные царапины, из которых не текла кровь — только жёлтая сукровица. Холод их прикосновений проникал в мышцы, вызывая мгновенный паралич — ноги налились свинцом, движения стали замедленными, как в кошмаре.

Один из них повис у Максима на спине, обвив шею тонкими ногами. Когти царапнули кадык. Макс захрипел, пытаясь достать затылок ножом, но позвоночник пронзила такая судорога холода, что рука онемела до самого локтя. Он извернулся всем телом, ударив спиной о ближайшую трубу отопления. Раздался хруст. Труба выдержала, а хребет твари лопнул — кости сломались с сухим треском, и тело обмякло. Максим сбросил его, перехватил мачете обратным хватом и рубанул сверху вниз по тому, что вцепилось ему в бедро. Лезвие вошло легко. Слишком легко. Он провернул кисть, расширяя рану, и рванул мачете на себя. Клинок вышел с влажным чавканьем. На широком лезвии, намертво прилипнув к стали слизью, висел полупрозрачный лоскут. Это была не кожа — это был внешний слой эпителия, сброшенная оболочка личинки. Внутри неё всё ещё бились микроскопические жгутики-реснички, перекачивающие лимфу, а по краям пробегали разряды статического электричества. Максим брезгливо стряхнул её на бетон — лоскут шлёпнулся с мягким шлепком, продолжая слабо извиваться, как раздавленный слизень.

— Живая броня, — прохрипел Максим, стряхивая дёргающийся лоскут на пол. — Они линяют. Это не кожа — это слизь, которая имитирует плоть.

Наталья, уже стоявшая на коленях от усталости, вытащила из мешочка горсть золы из старого костра — они всегда носили её с собой, зная, что водяные духи боятся пепла. Она швырнула золу в лицо ближайшему ичетику. Тот зашипел, отшатнулся, и его тело начало плавиться, оставляя на бетоне чёрную маслянистую лужу, которая дымилась и испарялась.

— Зола! — крикнула она. — У них аллергия на пепел! Но его мало!

Максим бросил мачете, выхватил из разгрузки баллончик с газовой горелкой и чиркнул зажигалкой. Язык пламени ударил в грудь тел, которые облепили его ноги. Ичетики завизжали уже не от света, а от огня — их тела загорались с треском, похожим на шипение масла на сковороде, выделяя густой чёрный дым, который скапливался под потолком и полз вниз, застилая всё вокруг маслянистой пеленой. Они откатились, оставляя на полу дымящиеся ошмётки, и скрылись в темноте, но Максим уже чувствовал, как силы покидают его — раны на руках и ногах начали неметь, и в висках стучала тяжёлая, колотящая боль.

Внезапно давление тел исчезло. Ичетики отхлынули так же быстро, как и напали. Растворились в лужах мазута, оставив после себя лишь скользкую слизь на стенах да дрожащий от напряжения свет лампы Максима. Тишина продлилась ровно три секунды.

Затем из глубины тоннеля, откуда они пришли, раздался звук. Низкий, утробный гул разгоняющегося поезда метро. Чёрный Ворон догнал их под землёй. Стены коллектора мелко завибрировали, и по запотевшим трубам отопления прошла волна инея, покрывая изоляцию толстым слоем серебряной пыли. Температура упала на десяток градусов за мгновение — пар изо рта превратился в ледяные кристаллы, оседающие на лице.

Максим посмотрел на свои руки. Они были синими от холода и покрыты слоем застывающей сукровицы. Ноги отказывались держать вес — он привалился к трубе, чувствуя, как металл обжигает спину холодом.

— Штольня дальше завалена, — сказала Наталья. Она стояла рядом, прислонившись к стене, и тяжело дышала. Её глаза были широко открыты, и в них читался страх, который она старалась подавить. — Нас сейчас раздавит между Вороном и хозяином промзоны.

Максим сделал глубокий вдох и посмотрел вперёд. Там, в крошечной тьме, зажёгся одинокий красный огонёк. Он горел ровно, не мигая, и казался огромным, как глаз циклопа. Он пульсировал в такт их сердцам, и от него тянуло запахом сырой земли и мокрого железа.

— Или пригласят на чай, — проговорил он, поднимая мачете. — Там тепло. И свет. Хозяин промзоны не просто загоняет нас — он ждёт. — Он посмотрел на карту в руках, которую держал до этого, и заметил на обороте едва видную надпись, сделанную карандашом. Он не замечал её раньше — она проявилась только сейчас, будто проступила из влаги. «Если зайдёшь в красное, не бойся воды. Она помнит тебя».

Наталья подошла к нему, оперлась на плечо — её нога дрожала от усталости, и она хромала. Она заглянула в темноту, где горел красный глаз, и прошептала:

— Это логово. Там они плодятся. Если мы войдём, мы не выйдем. Но если мы останемся здесь, Ворон сметёт нас вместе с трубами.

Максим перехватил мачете поудобнее, проверил, сколько осталось патронов в разгрузке. Три. Всего три заряда. И один зажигательный состав Натальи.

— Идём. Но если начнётся бой — ты первая бросаешь огонь, а я прикрываю. И не вздумай жертвовать собой, как мать. Мы выбираемся вдвоём.

Они двинулись к красному свету, который рос с каждым шагом, превращаясь из точки в пульсирующий круг, похожий на вход в пещеру, высланную огнём. Сзади нарастал гул Ворона, и Максим чувствовал, как вибрация пробирается в кости, заставляя зубы стучать.

Перед входом в логово он остановился. Пальцы сами скользнули во внутренний карман разгрузки, туда, где лежал отцовский портсигар. Вместо сигарет внутри оказался крошечный пластиковый файл. А внутри — фрагмент микросхемы, залитый прозрачным компаундом. На гладкой поверхности смолы отец выгравировал буквы иглой: «АРТЕРИЯ ПОМНИТ КРОВЬ. НЕ БОЙСЯ ЖАРА». Максим сжал холодный пластик. Отец оставил им не карту. Он оставил ключ зажигания.

Максим сунул бумагу в карман, ничего не сказав сестре. Он знал, что отец был здесь. И он оставил им эти подсказки, зная, что они пойдут по его следам. Каждая находка подтверждала: отец не просто пропал — он оставлял им нити, ведущие к чему-то важному. И теперь, когда за спиной грохотал Ворон, а впереди разевало красную пасть логово Албарсты, у них не было иного выбора, кроме как идти вперёд.

Красный свет стал ослепительным. Логово распахнулось перед ними, и они шагнули в его жаркую, влажную пасть, оставляя за спиной грохот Чёрного Ворона и запах озона. Жар ударил в лицо, обжигая кожу после ледяного холода тоннеля. Максим сжал мачете и сделал шаг в неизвестность.

Глава 6. Логово водяных

Они не выбирали путь — пол провалился под ногами, когда Максим наступил на крышку старого дренажного колодца, скрытого слоем мазута. Ржавый металл не выдержал их веса, и они рухнули вниз, больно ударившись о бетонный край. Люк с тяжёлым лязгом захлопнулся наверху, отрезав дневной свет. Над головой сомкнулась тьма, и только шум падающих капель напоминал, что они ещё не в Нави.

Максим поднялся первым, чувствуя, как вода заливается в ботинки. Она была тёплой — почти горячей — и густой, как мазут. Он включил фонарь — луч выхватил бетонный стакан диаметром метров десять, с облупленными стенами и гудящими трубами, оплетёнными ржавчиной. В центре узла стояла металлическая лестница, уходящая в черноту.

— Наташ? — крикнул он.

Из темноты донёсся кашель. Сестра лежала на краю бетонной плиты, держась за рёбра. Она выдохнула, потом засмеялась — нервно, прерывисто.

— Жива. Плечо вывихнуло, но жива. — Она попыталась встать, но поскользнулась и упала обратно в воду. — Чёрт! Эта жижа... она как нефть.

— Это не нефть, — сказал Максим, подавая ей руку. — Кровь теплотрассы. Мазут, отработанные масла, конденсат. И то, что живёт в нём.

Она взяла его руку, но, когда он потянул её на себя, её лицо побледнело. Она смотрела на воду позади него, и в глазах отражался ужас.

— Макс... вода движется.

Он обернулся. Вода в колодце, до этого стоявшая неподвижно, начала закручиваться воронками. Со дна поднимались пузыри — крупные, лопающиеся с маслянистым звуком. Вместо воздуха из них вырывался густой пар, пахнувший сероводородом и формалином. Воздух стал спёртым, тяжёлым, оставляя во рту металлический привкус.

— Не двигайся, — прошептала Наталья, хватая брата за разгрузку. Она замерла, прислушиваясь к чему-то, что он не слышал. — Они под нами. Я чувствую их пульс. Он совпадает с моей меткой.

Её пальцы сами собой потянулись к шее, где под кожей пульсировал терновый цветок. Метка билась в такт воде — медленно, тяжело, как сердце умирающего.

Из глубины, разрывая поверхность беззвучно, начали подниматься головы. Бледные, обтянутые пергаментной кожей черепа с пустыми глазницами, в которых вместо глаз плавали мутные бельма, похожие на перезревшие виноградины. Ичетики. Десятки. Они окружили людей кольцом, стоя на дне так, что над поверхностью виднелись только глаза и макушки, покрытые редкими волосами, похожими на водоросли. Их перепончатые пальцы медленно шевелились в чёрной жиже, создавая круги на воде, которые накладывались друг на друга, образуя гипнотический узор.

Максим вскинул мачете. Лезвие мгновенно покрылось толстым слоем слизи — чёрной, блестящей, похожей на дёготь. Он понимал: рубить воду бесполезно. Дробь вязла в их телах, огонь зажигалки лишь согреет им ужин. Нужно бить насмерть, выжигать саму основу Нави из этой мокрой могилы.

— Наташ, твой порошок! — крикнул он, отступая к стене, чтобы не дать тварям окружить их с двух сторон.

Наталья уже действовала быстрее мысли. Пока брат принимал удар первого прыгнувшего карлика на предплечье — холодные когти впились в стёганку, разрывая ткань до кожи — она сорвала с пояса плоскую металлическую флягу. Внутри лежал серый порошок вперемешку с сухими листьями. Она чиркнула магнелиевым кресалом о шершавый бетон пола. Искра попала во влажную смесь. Вспыхнуло не пламя — сработал термальный шок. Раскалённый пар вырвался из воды столбом, ударив в низкий потолок. Воздух мгновенно перегрелся, обжигая лёгкие. Ичетики взвизгнули ультразвуком — высокая температура сварила внешние слои их полупрозрачной кожи, обнажив пульсирующие чёрные ядра внутри.

На долю секунды мир стал абсолютно белым и беззвучным. У Максима из ушей хлынула тёплая кровь от резкого скачка давления, заложило уши, перед глазами поплыли чёрные пятна. Но главное произошло с водой. Высокая температура выпарила чёрную нефтяную плёнку и верхний слой жидкости, превратив её в густой пар, клубящийся под потолком. Истинные тела ичетиков лишились маскировки. Они больше не были бледными детьми — гуманоидные амёбы высотой в полтора метра, состоящие из полупрозрачного желе, внутри которого пульсировали чёрные комки скрученных вен, гниющих водорослей и ржавой проволоки. Сквозь их живое стекло просвечивал весь тепловой узел: ржавые вентили, кабели высокого напряжения и лица самих Максима и Натальи, искажённые отражениями.

Твари взревели. Звук родился не в глотках, а во всём объёме их тел — низкочастотный гул, от которого затрещал бетон стен, посыпалась штукатурка с потолка, в лужах пошли круги. Но вспышка сделала их уязвимыми. Живая вода боится чистого пламени.

Наталья метнула вторую порцию смеси под ноги центральному скоплению. Вспышка. Густой чёрный дым заволок половину узла, выжигая лёгкие ядовитыми парами сгоревшей органики. Ичетики вспыхивали один за другим. Они не кричали — шипели, как раскалённое

масло на сковороде. Их прозрачные тела превращались в копоть за доли секунды, выделяя жирный, антрацитовый дым, который оседал на потолке хлопьями сажи.

Максим воспользовался секундой дезориентации врагов. Он нырнул вперёд, уходя под воду с головой. Мир сузился до зеленоватого света подводного фонаря, выхватывающего из темноты ржавые трубы на дне и силуэты тел, дёргающихся в агонии. Он перестал махать ножом вслепую. Схватив ближайшее существо за то, что напоминало шею, он рванул его на себя, используя инерцию твари, и впечатал её спиной в острый край разорванной трубы отопления. Труба вошла в студенистое тело легко, как в масло. Ичетик лопнул, забрызгав воду кипящей лимфой. Максим понял тактику: сталь бесполезна, нужно давление и разрыв гидравлических узлов изнутри.

Вынырнув, он схватил ртом воздух пополам с гарью. В лёгкие ворвался горячий, едкий дым, и он закашлялся, чувствуя, как перед глазами плывут круги.

— Ещё! — крикнула Наталья, но голос сорвался — она тоже задыхалась. Её лицо побелело, губы посинели от нехватки кислорода, но руки всё ещё сжимали пустую флягу. Она высыпала остатки порошка в последнюю горсть и швырнула в центр узла, где вода бурлила и пенилась, как кипящий котёл.

Третья вспышка была слабее, но её хватило. Ичетики, оставшиеся в живых, рухнули обратно в воду, растворяясь без следа, как куски сахара в горячем чае. Вода успокоилась, стала гладкой и чёрной, только маслянистая плёнка переливалась радугой в свете умирающего фонаря.

Бой закончился так же внезапно, как начался. Тишина вернулась, став тяжёлой и звенящей. С потолка падала горячая сажа, оседая на плечах и волосах, смешиваясь с потом и кровью.

Максим стоял по пояс в воде, тяжело дыша, держась за трубу. Руки тряслись. Он чувствовал, как холод — ледяной холод Нави — распространяется по левому плечу, опускаясь ниже, к локтю, к запястью, сковывая мышцы, как цемент.

— Рука, — Наталья дёрнула брата за рукав. Её лицо побелело, но глаза горели лихорадочным блеском. Она смотрела на его левый бицепс, где один из ичетиков всё-таки достал его перед смертью.

Максим посмотрел вниз. Коготь распорол куртку, стёганку и плоть сантиметров на пять вглубь — ровный, чистый разрез, будто сделанный скальпелем. Рана была глубокой, но не кровоточила. Края кожи стремительно синели, покрываясь кристаллами инея, хотя вода вокруг оставалась тёплой. Вместо крови рану заполняла густая желтоватая сукровица, которая застыла на воздухе, превращаясь в студенистую корку. Холод мёртвого мира проникал прямо в кровоток, вызывая некроз. Кожа вокруг стала прозрачной, и сквозь неё было видно, как по венам медленно ползут вверх белые ледяные нити.

— Плохо, — констатировала Наталья, доставая аптечку. Она действовала быстро: промедол, жгут, марлевая повязка. — Мороз течёт в венах. Если дойдёт до сердца...

— Потом перевяжешь, — оборвал её Максим. Голос хриплый, но твёрдый. Боль сейчас была спасением — она жгла лёд изнутри, не давая телу уснуть навсегда. — Сначала закончим дело. Мы в их гнезде. Ищи блестящее.

Логово ичетиков выдавало их природу. Водяные всегда тянутся к тому, что утонуло, к тому, что отражает свет. Весь периметр теплового узла был устлан мусором: консервные банки, битые бутылки, мотки медной проволоки, автомобильные номера, старые монеты, обрывки цепей и ржавые инструменты. Всё то, что блестит в темноте.

Максим методично шарил лучом фонаря по дну, разгребая сапогами липкую грязь. Он переворачивал обломки, отодвигал куски арматуры, когда его рука наткнулась на что-то твёрдое, маленькое, цилиндрической формы. Он поднял находку из ила, оттер перчаткой чёрную слизь, и сердце остановилось на мгновение.

Гильза. Латунь. Калибр 7,62 — от винтовочного патрона Мосина или СВД. Старая, позеленевшая, со следами ржавчины и водорослей. Но царапины на ней были свежими. Глубокие, рваные следы ножа, оставленные недавно — края царапин чистые, без налёта. Буквы складывались в цифры: 14.09.2025. Дата исчезновения родителей. И ниже — одна буква, выцарапанная с нажимом, почти прорезавшая металл: «А».

Аркадий. Отец.

Максим сжал гильзу в кулаке, чувствуя, как холодный металл обжигает ладонь. Холод внутри него стал физическим — он не имел ничего общего с температурой воды или воздуха. Это была та самая стынь, которую он чувствовал, когда кошка-сфинкс растворилась в тени у них в квартире. Холод предупреждения. Холод присутствия.

Отец был здесь. Спускался в эту преисподнюю, отбивался от водяных, перезаряжал оружие в чёрной воде. А потом потерял эту гильзу. Или оставил специально, зная, что дети когда-нибудь пойдут по его следу.

— Макс... — голос Натальи дрогнул. Она стояла у противоположной стены, освещая фонарём какой-то предмет, покачивающийся на воде.

Детский резиновый утёнок. Жёлтый пластик давно выцвел до грязно-серого, покрылся налётом слизи и чёрных пятен плесени. Игрушка лениво крутилась в маслянистых пятнах, медленно вращаясь вокруг своей оси, как поплавков. Обычная дешёвая игрушка, которую берут с собой в ванную. Но здесь, в логове, она казалась чужеродной, выпавшей из другого времени.

Наталья шагнула ближе. Лицо побледнело ещё сильнее, в глазах появилось выражение болезненной тоски. Ей вдруг отчаянно захотелось забрать этот единственный островок детского цвета из этого места. Отмыть, подарить ему новую жизнь. Это была не её мысль — это был голос, вкрадчивый и тёплый, похожий на голос матери, который шептал: «Возьми, дочка. Тебе станет легче. Всё будет хорошо».

Её пальцы медленно, как в трансе, потянулись к утёнку. Максим хотел крикнуть, но голос застрял в горле — что-то сдавило грудь, не давая выдохнуть.

Наталья коснулась пластика. Утёнок замер. Резина на «шее» пошла складками, словно растягиваясь, и голова игрушки с тошнотворным влажным хрустом повернулась на сто восемьдесят градусов. Прямо на девушку смотрели две чёрные бусины глаз, которые вдруг стали влажными и блестящими, как у живого существа. Пластик живота разошёлся по шву с мокрым, чавкающим звуком. Вместо резинового пуза открылась круглая пасть, усеянная рядами тонких игольчатых зубов из окостеневшего хряща и мутного, пожелтевшего пластика, похожего на старый зубной протез. Зубы сочились ядовитой сукровицей, и каждый из них рос прямо из мясистого нёба, двигаясь независимо друг от друга, как лапки паука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.